

Глава 26

— Это не только делает кожу нежной и гладкой, но и отлично удаляет ороговевшие клетки.

Гу Ли промолчал.

Ду Юньтин еще раз провел ладонью по лицу.

«Маленькая система на редкость мстительна — прилетело довольно больно», — подумал он.

Стирая с лица остатки белка, юноша поднял взгляд и обнаружил, что мужчина уже присел рядом. Гу Ли мягко перехватил его руку:

— Не шевелись.

Ду Юньтин послушно замер, подставляя лицо под полотенце и незаметно вцепившись пальцами в край одежды господина Гу. Тот бросил на него короткий взгляд, и в уголках его губ промелькнуло нечто, похожее на улыбку.

— Уже не болит?

«Трус Ду» мгновенно разжал пальцы и пластом рухнул на кровать, принимая вид умирающего лебедя. Он схватился за поясницу, которая и впрямь порядком ныла, и не смел издать ни звука. Гу Ли досуха вытер лицо племянника, а затем, обхватив его за подбородок, заставил посмотреть себе в глаза. Его взгляд был пытливым.

— У Ян-яна есть секреты.

Ду Юньтин понимал, что его нелепая отговорка про маску из яйца не выдержит никакой критики. Сердце испуганно екнуло.

— Какие еще секреты?

Гу Ли иронично выгнул бровь. Его палец медленно, с намеком, коснулся нижней губы юноши. Сяо Лю в порыве гнева всё еще была в офлайне, и Ду Юньтин не знал, не возникнет ли проблем, если Гу Ли узнает, что он не из этого мира. Решив сменить тему, он жалобно сморщился, принимая вид хрупкого и несчастного существа:

— Поясница болит.

Мужчина долго и пристально смотрел на него. Юньтину казалось, что его просвечивают

насквозь, но он мужественно продолжал играть роль, прошептав:

— Дя... дядя, за одну ночь близости — сто дней благодарности.

«Учитывая, что вчерашний посев по количеству раз превзошел эти самые сто дней благодарности, может, мы просто забудем о том, что меня измазали яйцом?»

Гу Ли негромко рассмеялся и больше не стал допытываться. Он просунул руку под одеяло и принялся мягко разминать мышцы. Спустя всего несколько минут «маленький белый цветок», только что жаловавшийся на невыносимую боль, превратился в бесформенную лужицу. От этих прикосновений его кости словно размякли, и он готов был окончательно утонуть в перинах.

Пальцы Гу Ли на мгновение замерли. Ду Юньтин тоже почувствовал это.

«Черт побери! Что это за тело такое?! Всю ночь обрабатывали землю, а оно снова... снова...»

Он резко перевернулся на живот и зарылся лицом в подушку, не в силах смотреть на любовника.

Мужчина, очевидно, тоже пребывал в замешательстве. Лишь спустя некоторое время он убрал руку.

— Вчера мы уже мылись, — произнес он низким голосом. — Поспи еще.

Он закрыл дверь. Ду Юньтин приглушенно услышал, как снаружи Мать Чэнь о чем-то спрашивала, а Гу Ли коротко ответил:

— Ему нездоровится.

Ду Юньтин чувствовал себя полем, которое вспахали слишком усердно.

Он провалялся в постели весь день, а когда вечером наконец решился спуститься вниз, то шел, придерживаясь за поясицу. Его походка напоминала движения краба. Мать Чэнь, наблюдавшая за его спуском по лестнице, выглядела озадаченной.

— Поясицу потянул, — выпалил Юньтин прежде, чем она успела открыть рот. — Случайно с кровати свалился.

— Как же ты так неосторожно? — укоризненно покачала головой женщина и тут же распорядилась принести целебное масло. — Сейчас позовем врача, пусть разотрет тебя, а если не поможет — выпишет лекарство.

— Не нужно! — поспешно воскликнул Ду Юньтин.

«Если врач осмотрит меня, он сразу поймет, что я страдал от переутомления совсем иного рода!»

Мать Чэнь решила, что сын просто стесняется:

— Нельзя пренебрегать лечением, нужно провериться.

Юньтин бросил на господина Гу долгий, умоляющий взгляд. Тот спокойно перехватил инициативу:

— Я сам всё сделаю.

— Ты? — Мать Чэнь с сомнением посмотрела на брата. — А Ли, ты разве умеешь?

— Умею.

Мужчина выглядел настолько надежным, что она вручила ему флакон с маслом, наказав:

— Только полегче, Драгоценный боится боли.

Она даже порывалась сделать всё сама, но Ду Юньтин твердо отказался:

— Я уже взрослый, это будет неловко.

В итоге Мать Чэнь доверилась брату. Гу Ли на словах обещал быть нежным, но стоило ему задрать одежду юноши и начать растирание, как тот едва не завыл, содрогаясь под одеялом. Это была странная смесь боли и наслаждения.

Хорошо еще, что в комнате не было посторонних — под одеждой кожа юноши была буквально усеяна красной клубникой.

Вчерашний посев Гу Ли принес богатый урожай: сегодня он буквально собирал целый сад клубники. Пальцы мужчины медленно скользили по этим ярким, налитым цветом плодам, и напряжение на его лице постепенно сменялось выражением сытого торжества, как у льва.

Ду Юньтин, извернувшись, бросил на него короткий взгляд, и в голове сама собой всплыла картинка довольного фермера, лицо которого сияет радостью от обильной жатвы...

Лишь через два дня Ду Юньтин смог передвигаться нормально. К этому времени 7777 наконец снова вышла в сеть.

Услышав знакомый сигнал, Юньтин радостно воскликнул:

«Двадцать восьмая!»

[...]

Сяо Лю явно не горела желанием отвечать.

«Двадцать восьмая, ты закончила свой отпуск?»

[Это был не отпуск] — отозвалась система. — [А восстановление. Я едва не лишилась данных из-за твоих выходов]

Хост участливо спросил:

«Ну так что, ты выяснила, насколько гармоничен твой Главный Бог?»

При этих словах в голосе 7777 слышались слезы:

[Главный Бог сказал мне... что это был его мужчина...]

Какое разочарование! Она-то верила, что Главный Бог посвятил всю свою жизнь великому делу социализма, а у него, оказывается, есть любовник!

Впрочем, Главный Бог принял меры. В дополнение к системе принудительного образования он установил на 7777 систему экранирования чувствительных слов. В список запрещенных терминов попали: батат, обработка земли, клубника, посев и вспашка земли.

Ничего не подозревающий Ду Юньтин продолжал философствовать:

«Двадцать восьмая, знаешь, некоторые части тела — как двери».

Сяо Лю не поняла, к чему он клонит.

«Обычно, когда они закрыты, ты не придаешь им значения, — томно продолжал Юньтин. — Но когда они открываются и их невозможно закрыть... вот тогда понимаешь, насколько это возбуждающе...»

Последние дни он чувствовал себя именно так — словно его дверь распахнули настежь и не закрывали.

[...]

Система молча добавила слово «дверь» в список блокировки.

Этот фильтр оказался весьма эффективным. Когда чуть позже Ду Юньтин воскликнул: «Двадцать восьмая, посмотри на ту дверь, там птичье гнездо!», система содрогнулась, услышав лишь: «Посмотри на ту бип, там птичье гнездо!»

Добавив в словарь и «птичье гнездо», Сяо Лю взорвалась:

[Ты можешь быть хоть капельку чище в своих мыслях?! К чему все эти странные метафоры?!]

«...Что?» — Ду Юньтин искренне не понял, в чем его обвиняют.

Он ведь просто увидел гнездо. Оно примостилось на круглой арке прохода в саду поместья Чэнь. Юньтин долго пытался дотянуться до него, а в итоге просто взобрался на камень. Там лежало одно-единственное яйцо. Птицы нигде не было видно — похоже, гнездо бросили.

Ду Юньтин некоторое время разглядывал находку, а потом решил забрать её, подумывая о том, чтобы поджарить яйцо на завтрак. Но не успел он его вытащить, как подошел господин Гу. Он бережно смахнул травинку с лица юноши и спросил:

— Чем занимаешься?

Взгляд мужчины скользнул в сторону. «Ду-маленький белый цветок» поспешно убрал руку и с самым сокрушенным видом произнес:

— Кажется, это яйцо бросили. Я...

«Хочешь его высидеть?» — съязвила 7777.

Юньтин проигнорировал её. Его длинные ресницы дрогнули, и он тихо проговорил:

— Хочу забрать его с собой. Всё-таки это живая жизнь.

«А если спасти не получится — тогда и съем, будет хоть причина».

Гу Ли кивнул. Он коснулся головы сострадательного племянника, а затем просто протянул руку. Его рост давал неоспоримое преимущество: там, где Юньтин тщетно пытался дотянуться, мужчина, лишь слегка приподнявшись на носках, легко снял яйцо.

Юньтин принял его, глядя на находку с почти материнской нежностью. Так у него появился «яйце-малыш».

Проблема инкубации решилась просто: он настроил кондиционер на нужную температуру и бережно укутал яйцо в одеяло, про себя решив, что если не вылупится — тогда точно на сковородку.

«Помню, в детстве мы с отцом часто разоряли гнезда, — с ностальгией вспоминал Ду Юньтин. — Жареные яйца диких птиц — это очень вкусно».

Сяо Лю замерла. Это был первый раз, когда Ду Юньтин упомянул своего отца.

Она проверила данные: отец Юньтина умер рано, и его растила мать. Некоторым женщинам удается жить самостоятельно, но мать Ду Юньтина была не из их числа. Она была слишком красива; с самой юности мужчины преклонялись перед ней, а муж окружал такой заботой, что она превратилась в экзотический цветок, incapable выжить без опоры. Когда муж погиб, она довольно быстро вышла замуж снова, попав в богатую семью вместе со своим сыном.

Так Ду Юньтин стал «вторым молодым господином Ду».

Сяо Лю внезапно ощутила укол сочувствия. Чтобы вписаться в новую семью и этот круг, Юньтину наверняка пришлось приложить немало усилий.

[Пусть прах его покоится с миром] — мягко отозвалась система.

В следующую секунду Юньтин уже вертел яйцо в руках, сглатывая слюну:

«Уже десять минут грею, а оно не шевелится. Может, пора жарить? Интересно, какие специи тогда использовал отец...»

[...]

Сочувствие 7777 испарилось без следа. Это был последний раз — она больше никогда не станет жалеть Ду Юньтина!

В итоге съесть яйцо не удалось: к вечеру оно действительно проклюнулось. Крошечный пушистый комочек заворочался на его ладони, слепо пища. От этого звука у Юньтина разболелась голова, и он распорядился, чтобы в поле нашли червяков.

Появление птички всколыхнуло весь дом. Мать Чэнь, обожавшая животных, пришла в восторг. Она тут же забрала птенца в свою комнату, чтобы выхаживать в коробке. Ду Юньтин, глядя им вслед, задумчиво потер подбородок.

«А птичка-то оказалась полезной».

«?»

«Она отлично отвлекает внимание».

Теперь ему было куда проще оставаться наедине с господином Гу. Но его поясница едва зажила. Если они снова уединятся... не обернется ли это очередным посевом?

Гу Ли, судя по всему, думал о том же. Когда их взгляды встретились, Юньтин явственно ощутил в его глазах страсть агронома к обработке земли. Его прошиб холодный пот.

Гу Ли было не до птиц. Он смотрел только на юношу, и взгляд его был темным.

«У нормальных людей урожай собирают раз в год... — обреченно подумал Юньтин. — А у меня, кажется, планируется ежедневная обработка?»

Конечно, ежедневно — это было нереально, и Гу Ли, понимая юный возраст партнера, сдерживался. Однако мужчина был в самом расцвете сил, а десятилетия воздержания наложили свой отпечаток. Стоило плотине прорваться, как наружу хлынул неуправляемый поток. Даже если посев был невозможен, он не желал выпускать Юньтина из виду, постоянно стремясь обнять его.

Особняк был велик, но их постоянная близость не могла остаться незамеченной. Даже Мать Чэнь начала чувствовать неладное.

— Внучка семьи Ван, — снова завела она разговор с Гу Ли. — Девушка видела твое фото, ты ей очень понравился. Послушай меня, когда-нибудь тебе стоит сходить на встречу...

Гу Ли полез в карман, но вместо сигарет нащупал конфету, которую Юньтин подкинул ему. Он отправил сладость в рот и коротко бросил:

— Не стоит.

— Почему это не стоит? — Мать Чэнь подалась вперед. — Ты ведь даже не видел её. Откуда ты знаешь, что она тебе не по душе?

Гу Ли поднял взгляд. Он долго смотрел на сестру, и оба они увидели в глазах друг друга подтверждение своих догадок.

— Ты ведь уже знаешь ответ.

Голос женщины дрогнул:

— Я не знаю, я хочу, чтобы ты сказал мне это сам.

Гу Ли не отвел взгляда.

— Потому что я уже нашел того, кого люблю.

Этот ответ был ожидаем. Его прямого лишила Мать Чэнь последней надежды.

— Это... — она чувствовала, как дрожит её голос, — это ведь девушка, верно?

Мужчина промолчал. Мать Чэнь плотнее запахнула шаль и наконец произнесла:

— Это Ян-ян?

— Я буду заботиться о нем.

— Я и не сомневаюсь, что ты будешь о нем заботиться, — горько усмехнулась она. — Ты всегда был самым самостоятельным. Но, А Ли, это не шутки. Ты действительно всё обдумал?

— Сестра, — он впервые за долгое время использовал это слово, — это самое взвешенное решение в моей жизни.

Его племянник не был нежной лилией; он был скорее хитрым зверьком. За его невинным лицом скрывался целый ворох затей. Сначала Гу Ли было просто любопытно — он никогда не встречал настолько живого человека. Но любопытство — вещь опасная. Стоит заинтересоваться, и ты уже не замечаешь, как всё твоё внимание принадлежит другому.

Было слишком поздно. Да он и не хотел ничего менять. Гу Ли всегда полагал, что закончит

жизнь в одиночестве. Его семья погибла давно, и все эти годы он жил лишь благодаря сестре. Но у неё была своя семья.

Маленький племянник стал его первым по-настоящему близким человеком.

— Когда вы состаритесь... — начала Мать Чэнь.

— Я буду рядом с ним, — ответил Гу Ли. — И уйду только после него.

Он взглянул на обертку от конфеты.

— Я бросил курить и пить, я буду следить за здоровьем. Я не стану для него обузой. Хотя, по совести говоря, я был обузой последние двадцать лет.

Слезы всё-таки брызнули из глаз Матери Чэнь.

— О чем ты говоришь! Какая еще обуза!

Она крепко обняла брата. Тот маленький мальчик вырос в высокого мужчину. Ощущения были иными, но для неё он оставался всё тем же ребенком.

— Глупый, — прошептала она. — И ты, и Ян-ян — моя гордость.

Взгляд Гу Ли потеплел, и спустя мгновение он неловко обнял её в ответ.

— Спасибо.

Вечером того же дня сияющий чистотой Ду Юньтин постучал в дверь и привычно нырнул под одеяло Гу Ли. Но стоило ему коснуться матраса, как мужчина произнес:

— Сестра всё знает.

Юньтин замер на полпути.

— ...А?

— Да, — спокойно подтвердил Гу Ли. — Я всё рассказал.

Ду Юньтин медленно сполз с кровати, сглотнув. Он приготовился слушать подробности, но мужчина замолчал и принялся неторопливо вытирать волосы.

Не выдержав, Юньтин выхватил у него полотенце и, принявшись сушить его голову, засыпал вопросами:

— Ну как?! Что она сказала? Она тебя не била? Ты не ранен?

Господин Гу был в прекрасном настроении. Позволив юноше ухаживать за собой, он похлопал по своим коленям. «Трус Ду» послушно уселся на них, продолжая ворковать:

— Ну не томи, расскажи дяде всё как есть...

— Не била.

Юньтин замер в ожидании. Мужчина замолчал. И это всё?! Юньтин едва не лопнул от возмущения.

Он обхватил Гу Ли за шею, а тот ласково провел ладонью вдоль его позвоночника. Юньтин, словно кот, довольно заурчал и облизнул губы. Взгляд Гу Ли мгновенно потемнел.

— Ян-ян.

Ду Юньтин притворился глухим, продолжая свои «изыскания» на грядке с бататом. Мужчина перехватил его запястье:

— Уже не болит?

— Но мне так интересно... — Юньтин посмотрел на него самым невинным взглядом. — Дядя, ну расскажи еще?

Мужчина промолчал, и тогда юноша принялся настойчиво перебирать корешки батата. Когда Гу Ли уже не мог сдерживать вздох, он резко притянул племянника к себе для поцелуя. Но «Трус Ду» ловко вывернулся и перекатился на другой край кровати.

Гу Ли принялся расстегивать пуговицы на рубашке:

— Чэнь Юаньцин.

— Дядя, мне всё еще больно.

[...]

7777 впервые ощутила острую жалость к этому мужчине.

Ду Юньтин был невыносим: он был смелым, когда провоцировал, и трусливым, когда дело доходило до конца. Стоило ему состроить глазки, полные слез, и даже система не могла устоять. Что уж говорить о Гу Ли, который только-только вошел во вкус после первого урожая. Сейчас он был на грани взрыва.

Мужчина устало потер лоб, признавая поражение.

— Даю тебе неделю.

Юньтин внутренне содрогнулся. Неделю?

— А через неделю... — он с трудом сглотнул.

Гу Ли медленно окинул его взглядом с головы до ног.

7777 издала злорадный смешок:

[Охо-хо, похоже, через неделю нас ждет поистине небывалый урожай!]

«Очень, — сухо отозвался Ду Юньтин, пытаясь изобразить на лице подобие радостной улыбки фермера. — Просто в восторге».

<http://bllate.org/book/15364/1373031>